

Раздел I. Актуальные проблемы локальных и региональных исторических исследований

Алексеев Е.А. (Нижевартовск)

Советские историки о взаимоотношениях боярства и княжеской власти на северо-востоке Руси в 50-х – 70-х гг. XII столетия

Отечественная историография не располагает специальными работами, посвященными взаимоотношениям боярства и княжеской власти во Владимиро-Суздальской Руси во второй половине XII столетия. В разное время, однако, появлялись исследования, косвенно затрагивавшие различные аспекты данной темы. Значительный вклад в ее изучение внесли ученые советского времени, в частности, Н.Н. Воронин, Ю.А. Лимонov, Л.В. Черепнин, Б.А. Рыбаков.

В оценке некоторых историков общественный строй Ростовской земли был уже достаточно сложным до появления здесь в XII в. постоянной княжеской династии, пришедшей в противоречие с местными порядками и их представителями – боярами (1).

Это противоречие нашло отражение в конфликте Юрия Долгорукого и боярина Степана Кучки, известному нам благодаря «Сказанию о начале Москвы». Остается загадкой, правда, причина размолвки, в результате которой князь казнил «вольного боярина», а на месте его разгромленной усадьбы поставил замок.

Н.Н. Воронин полагал, что конфликт между боярской знатью и княжеской властью в эпоху Юрия Долгорукого касался двух вопросов. Во-первых, князь, проводя активную политику на юге, стремился подчинить боярство, его владения и военные силы. Во-вторых, при Юрии, как утверждал Н.Н. Воронин, Ростово-Суздальская земля еще находилась в зависимости от Киева, поскольку значительная часть собираемой здесь дани отправлялась туда, и стремление младшего Монамашича к захвату киевского стола могло лишь упрочить это положение; боярство же «добивалось полной самостоятельности Суздальской земли и сохранения всех источников обогащения в своих руках» (2).

Признаки отчуждения между Юрием Долгоруким и местным боярством ученый усматривал в постройке князем собственной усадьбы в Кидекше, а также в создании нового княжеского двора во Владимире.

Сын и преемник Юрия Владимировича Андрей, поддавшись «лести Кучковичей», оставил Вышгород и уехал в 1155 г. на северо-восток в Суздаль, при этом не спросив разрешения отца, княжившего тогда в Киеве.

Когда весть о смерти там Юрия дошла до «Залесской» земли, «ростовци и суждальци здумавше вси, пояша Андрея, сына его старейшаго, и посадиша и в Ростове и на отни столе и Суждали» (3).

Мы вправе расценить такой поступок ростово-суздальских бояр как нарушение «ряда», заключенного ранее с Юрием Долгоруким. Л.В. Черепнин прямо назвал Андрея Юрьевича ставленником суздальских бояр, действовавших в союзе с городским патрициатом (4). Ростовские же летописные записи, пытавшиеся смягчить факт нарушения крестоцелования боярством, сетуют на «самовластьство» Андрея. По мнению Н.Н. Воронина, «боярство рассчитывало нарушением планов Юрия и избранием князя «на своей воле» вырвать Суздальщину из системы «киевских отношений», восстановить здесь свое утерянное господство» (5).

Между тем старший сын Долгорукого использовал иллюзии знати для легализации собственного положения, зарекомендовав себя «самовластцем». Андрей Юрьевич продолжил политику отца, стремясь подчинить «земское» боярство и увеличить княжеский земельный фонд за счет в первую очередь старобоярских владений (6). Ответная реакция родовитой аристократии на эти меры, разумеется, была адекватной. Летописи сохранили сведения о саботировании боярами одного из походов владимирского князя: они якобы «идучи не идяху...».

Гибель Андрея Боголюбского, согласно одной из версий, также являлась следствием недовольства «лучших мужей» своим князем. Л.В. Черепнин и Н.Н. Воронин убеждены, что заговор 1174 г., результатом которого стало убийство Андрея, был организован боярством. С ними солидарен и Б.А. Рыбаков, писавший о враждебности бояр Андрея своему князю (7).

Безвластие во Владимиро-Суздальской Руси продолжалось недолго. По сообщению Лаврентьевской летописи и близких к ней источников, после убийства Андрея «ростовци и суждальци и переяславци и вся дружина от мала и до велика» съехались во Владимир для решения вопроса о будущем князе. Этот сход напоминал аналогичные события 1157 г., когда также решалась судьба княжеского престола. Возможно, известия о данных вечах побудили Л.В. Черепнина сделать смелый вывод про развитие Ростово-Суздальской земли в направлении «сословно-представительной монархии». О первом соборе Л.В. Черепнин писал: «Это был съезд руководящей социальной верхушки четырех городов» (8). И.Я. Фроянов акцентирует внимание на том, что вече состоялось не в Ростове или Суздале, а во Владимире. Тем не менее ученый далек от мысли считать Владимир главным городом земли. «Перед нами тройственный союз городов Северо-Восточной Руси, реально занимающих примерно равное положение в этом союзе, несмотря на апломб Ростова и Суздаля, вспоминающих о былом своем приоритете» (9).

На взгляд С.В. Юшкова, съезд 1174 г. носил «феодальный» характер. «Когда необходимо было решать вопросы исключительной политической важности, и притом так или иначе затрагивающие интересы феодалов не только данной земли-княжения, а и всей земли, созывались феодальные съезды» (10).

Допустив ранее просчет, пригласив Андрея, боярство Ростова в 1174 г. действовало уже осторожнее. Своими ставленниками оно сделало не имевших прочных корней на Северо-Востоке Ростиславичей, заручившись, кроме того, поддержкой Рязани.

Заметим, что к концу правления Андрея Юрьевича на Северо-Востоке оформилась новая политическая сила – патрициат Владимира и Переяславля. На взгляд Ю.А. Кизилова, «в пригородах кристаллизуется «второй слой» боярства, который отличался от старейшего (очевидно, ростовского «слоя». – Е.А.) статусом своего вторичного происхождения и структурой вотчинного землевладения, не выходящего за рубежи своей волости» (11). Историк ввел термин «затворение», которым характеризовал формирование в каком-либо городском центре «второго слоя» боярства, стремившегося к обособлению за счет обретения «собственного князя». Ю.А. Кизилев видел именно в боярстве «главную силу» на пути обособления земли.

Зажиточные верхи Владимира и Переяславля после гибели Андрея заявили о своем желании иметь собственного князя, который бы выражал только их интересы. Л.В. Черепнин даже определил политическую программу владимирских горожан того времени – «свобода выбора князей и их посажения на основе крестной грамоты, устранение боярско-княжеского произвола, союз с церковью» (12). Иначе говоря, если раньше в Северо-Восточной Руси преобладала одна ростово-суздальская боярская «партия», «выстраивавшая» свои отношения с князем на основе договоров, то к середине 1170-х гг. таких «партий» стало две – к ростовской добавилась владимирская, также стремившаяся к первенству в регионе. Однако представления каждой из «партий» о статусе и роли князя были различны: ростовским боярам нужен был князь лояльный, управляемый; владимирская же аристократия нуждалась в князе-защитнике своих интересов.

Усобица 1174-1177 гг. в понимании Ю.А. Лимонова – это борьба между «группировками феодалов»: старшей дружиной (ростовскими родовитыми боярами) и младшей дружиной. Неизвестно, правда, какой социальный смысл вкладывал ученый в термин «младшая дружина». Роль же князей в конфликте представлялась Ю.А. Лимонову «чисто номинальной» (13).

С точки зрения Л.В. Черепнина, Всеволод III и в распре 1170-х гг., и в последующие годы своего правления опирался не на верхние слои го-

родского населения, а на «формирующееся городское сословие». Ученый выделял «две правды» у населения Северо-Восточной Руси – боярскую и городскую. С первой он отождествлял притязания ростовцев на гегемонию в крае, а со второй – борьбу владимирских горожан за независимость от первых. Непонятно, какое же место в своей конструкции Л.В. Черепнин отводил владимирской аристократии.

Н.Н. Воронин выделил две социальные категории, на которые опирался Всеволод Большое Гнездо в своей политике: во-первых, купцы и свободный владимирский люд, во-вторых, боярство «более мелкого калибра», очевидно, не входившее в политическую элиту княжества и находившееся в вассальной зависимости от князей. Н.Н. Воронин предпринял попытку определить и социальный состав дружины Всеволода III. Ее основу, на взгляд историка, составляло «новое дворянство» (разноплеменные выходцы из «старой чади» и владимирские купцы) (14).

Двухлетняя борьба за власть в Северо-Восточной Руси завершилась победой Всеволода III и стоявшей за ним владимирской аристократии.

До середины XII в. главной политической силой в Ростово-Суздальском княжестве, помимо князя, конечно, было местное боярство, не вышедшее еще из «общекиевской орбиты». Не имея достаточно сил, чтобы ограничивать княжескую власть, оно действовало в русле политики князя. При Андрее Боголюбском, призванного в качестве «послушного правителя», но не ставшего таковым, боярство выступало уже как жесткая оппозиция князю. Гибель Андрея стала следствием не найденного компромисса между ним и его боярами. После его смерти аристократия земли разделилась на два противоборствующих блока: ростовские бояре и владимирский патрициат, которые два года оспаривали первенство друг друга в княжестве.

Итак, несомненным достижением советской историографии следует признать саму постановку проблемы боярско-княжеских отношений в 50-х – 70-х гг. XII в. на северо-востоке Руси. Всеми исследователями той эпохи отмечалась некая враждебность, оппозиционность бояр княжеской власти, начиная с времени Юрия Долгорукого. Л.В. Черепнин, Б.А. Рыбаков и Н.Н. Воронин сошлись во мнении, что заговор 1174 г., повлекший за собой гибель Андрея Боголюбского, был организован боярами. Ю.А. Лимонов виновниками убийства считал княжеских слуг – министериалов, которые были лично зависимы от князя. На владимирском съезде 1174 г., созванном для решения насущного вопроса о будущем князе, согласно Л.В. Черепнину, решающую роль играла «руководящая социальная верхушка четырех городов». С.В. Юшков назвал этот съезд «феодалным». Многими советскими исследователями отмечался генезис «нового» слоя боярства, формировавшегося в бывших «пригородах» во время правления Андрея Боголюбского (Ю.А. Лимонов, Ю.А. Кизилев и

др.). Любопытно расхождение между некоторыми учеными в определение социального слоя, на который опирался в своей политике Всеволод III. К примеру, Л.В. Черепнин полагал, что Всеволод добивался успеха за счет поддерживавших его горожан, Н.Н. Воронин же усматривал силу великого владимирского князя не только в купцах и свободном городском люде, но и в боярах более «мелкого калибра».

1. См.: Воронин Н.Н. Владимиро-Суздальская земля в X-XIII вв. // Русские княжества в X-XIII вв. М., 1975. С. 208.
2. Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. М., 1961. С. 58.
3. Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1. С. 348.
4. Черепнин Л.В. Пути и формы политического развития русских земель XII – начала XIII в. // Польша и Русь: черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII-XIV вв. / Под. ред. Б.А. Рыбакова. М., 1974. С.36.
5. Воронин Н.Н. Владимиро-Суздальская земля... С. 217-218.
6. Там же. С. 221.
7. Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 146.
8. Черепнин Л.В. Пути и формы политического развития... С. 37.
9. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства древней Руси. Л., 1988. С.240.
10. Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., 1939. С. 216.
11. Кизилев Ю.А. Земли и княжества Древней Руси (из истории развития феодальной раздробленности в Северной Руси): Автореф дис. канд. ... ист. наук. М., 1970. С. 16.
12. Черепнин Л.В. Пути и формы политического развития... С. 37.
13. Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь конца XII – первой половины XIII в.: Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 34.
14. Воронин Н.Н. Владимиро-Суздальская земля... С. 225.

Алексеева Л.В. (Нижевартовск) Оленеводство Тобольского Севера в 1920-х гг.

В самых северных районах Тобольского округа, как известно, местное население занималось оленеводством, которое распространялось главным образом на территорию Обдорского, частично Березовского и меньше, Сургутского районов. В отечественной историографии почти нет трудов, рассматривающих вопросы положения оленеводства в первой половине 1920-х гг. Историки начинали изучение состояния отрасли с 1926 года, поскольку до Приполярной переписи 1926/27 гг. точных сведений о количестве оленей не имелось. П. Востряков и М. Броднев попутно касались проблемы первоначальных мероприятий советского правительства по оленеводству, отметив сокращение поголовья оленей в период Гражданской войны и разрухи, поскольку из-за нехватки хлеба, население вынуждено было прибегать к забою большего числа животных. Они считали, что стадо оленей в Обдорском крае насчитывало не более 200 тыс. голов (1).

В руководстве Уралобласти в 1924 г. распространенным было мнение об оленеводстве как отрасли, переживающей глубокий упадок. Со-